

ОПАСНАЯ ИГРА

Сегодня Алексею Петренко исполняется 60 лет

Независимая газ. — 1998. — 26 марта. — с. 7

Виктор Славкин

ОДНАЖДЫ, лет пятнадцать назад, мы с Анатолием Васильевым сидели на уютной кухне Галины Кожуховой и Алексея Петренко. Попивая, мы обсуждали техническую накладку, случившуюся накануне в нашем спектакле. И Алексей сказал: «В театре дело будет

ты чувствуешь, чуть ли не слышишь, как у него внутри ворочаются валуны, что-то вроде идиолов с острова Пасхи, — а наружу, к тебе вырываются только скудные отзвуки этого библейского гула, этой исполненной работы.

Небогатая реплика из пьесы «Серсо»: «Теперь возобновлять родительские отношения поздно». Что с ней делал Петренко! Все слова, кроме одного, он погружал внутрь себя, он буквально

Для этого стоило проглотить несколько слов пьесы. Авторы обычно комплексуют в таких случаях — я был счастлив.

Порой чересчур тесное соприкосновение актера с персонажем доводило Петренко до опасности реальной. В длинном монологе нелепого старика из той же пьесы Алексей пересказывал путаную историю своей российско-советской жизни: «...играл на валторне на демонстрациях... в Туркестане строил железную дорогу... в ремесленном училище инструмент учащимся выдавал... в войну работал эвакуатором...» На одном из спектаклей Алексей в этой круговерти запутался. Так же, как его старик запутался в своей жизни. Кончив один кусок, он стал повторять то, что уже говорил. Мы за кулисами похолодели. Его партнер по этой сцене Дима Щербаков закостенел. Алексей уже заметил оплошность и пытался на ходу перестроиться, выгresti из-под завала текст: «...потом в Сибири комендантом общежития работал... в ремесленном училище инструменты учащимся выдавал...» Нет, это он уже говорил... Что же делать?... И вдруг мы видим, как актер Петренко встает, подходит к Диме Щербакову, кланяется в пояс, целует ему руку, потом возвращается на свое место и начинает монолог с самого начала. И теперь уже без сучка и задоринки доводит до конца. Вот что такое великий актер! На глазах у публики остановиться, попросить прощение у товарища, начать с нуля — это под силу только большому человеку. Да к тому же сделать все так, что зритель и не почувствовал опасности, наоборот — принял это за оригинальный художественный прием. Некоторые коллеги-драматурги советовали: «Закрепи»...

И еще об одной пограничной ситуации. Консерватория, скрипта Прокофьева «Иван Грозный», текст — Алексей Петренко. Концентрация таких сил в одном месте небезопасна. По мощи Петренко сам равен симфоническому оркестру, а тут — еще один. Да хор, да Прокофьев, да Эйзенштейн, да Иван Грозный... Нет, добром это не кончится. И, действительно, это имело самые драматические последствия. Пока играл оркестр, пел хор, Алексей сидел в кресле с маленькой книжечкой в руках — был концерт. Как только актер вставал, весь в черном, как только звук его голоса вплетался в музыкальную ткань, а потом и покрывал ее, — становилось страшно. За него, за себя, за страну, за всех. И не потому что Иван Грозный, а потому что Петренко. Мысль: если такой ураган сотрясает актера-гиганта, то что же он сделает с нами, если вырвется наружу.

Опасная игра...

Недаром самое исчерпывающее, что сказано о Петренко, связано с войной. Причем сказал это он сам. О себе. «Я знаю, эту высоту чтобы взять, надо положить взвод, — я кладу три».

Алексей Петренко на репетиции.
Фото ИТАР-ТАСС

только тогда, когда театр будет цирк». Я сначала не понял — о чем это он?... Потом разобрался, Петренко имел в виду: если в театре ошибка запахнет не выговором, не потерей прогрессивки и даже не увольнением, а смертью, — вот тогда все будет в порядке.

В театре и в кино Петренко играет опасно. Как циркач без сетки. Я помню, как на премьере фильма Германа «Двадцать дней без войны» зал, затаив дыхание, следил за монологом офицера в купе поезда. Захватывало дух от опасности; целая часть, десять минут, один актер, крупный план — сорвется, не сорвется... Господи, как это было! Только отчаянные безумцы — режиссер и актер — могут пойти на такой риск, только верткие профессионалы могут выиграть такой смертельный номер...

Когда Алексей говорит — даже не на сцене, а просто говорит, —

но захлебывался первыми словами, булькая, заглатывая их, жевывая, потом останавливался, набирал полные легкие воздуха и вытаскивал только одно последнее — «Поздно!». Петренко так «обрабатывал» слово «поздно», что теперь оно становилось про все, оно отрывалось от текста пьесы, от сюжета, от персонажа — теперь оно относилось ко всем нам, превращалось в трагический пароль нашей жизни. Не сразу мы поняли это. Слово было сказано как бы на вырост. Пьеса репетировалась в первые годы перестройки, в момент больших иллюзий — покончим с мерзостями нашей жизни, возродимся, одним махом впрягнем в Европу и дальше, забыв свое несправедливое прошлое, будем жить, как равные среди равных, долго и счастливо... Свой роковой диагноз Алексей поставил, когда все считали, что впереди у нас еще навалом времени.